

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ.
ФИЛОСОФИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

**Поэзия как философия:
Осип Мандельштам**

*Посвящается 130-летию со дня рождения
Осипа Эмилевича Мандельштама*

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-2-7-20

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

**Творчество О.Э. Мандельштама в контексте
философии и художественной практики модернизма**

О.А. Жукова

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация

В статье предлагается философское осмысление поэтического наследия О.Э. Мандельштама. Подход к характеристике художественного опыта русского поэта сквозь призму философии творчества и философии культуры представляется значимым и продуктивным. Обоснована авторская позиция о том, что в современной научной литературе по-прежнему мало работ, в которых поэзия Мандельштама была бы освещена в рамках философии русской культуры и онтологии творчества. В статье творческий феномен Мандельштама показан в связи с эстетической программой художественного модернизма. Охарактеризованы философские основания модернизма как проблемы духовного самосознания русской культуры. Поскольку русский модернизм отражает трансформацию художественной и духовной культуры, происходившую в России в конце XIX – начале XX века, автор пытается выделить и проанализировать ведущие философские и эстетические принципы символизма и акмеизма, обсуждавшиеся среди поэтов Серебряного века, уделяя особое внимание теоретическим работам Мандельштама. Анализируемый культурфилософский сюжет дает возможность проследить внутренние взаимосвязи между эстетическими установками и художественным воображением русских символистов и акмеистов, определить специфику эстетического самосознания отечественной культуры, ее механизмы отбора идей, символов,

образов национальной и мировой художественной культуры в начале XX века. Автором передана логика преемственности художественных идей русской и мировой литературы в эстетической концепции Мандельштама. С целью демонстрации тесной связи философских и эстетических идей классической культуры с постклассикой рассмотрены литературные, философские и мемуарные источники в контексте наследия Мандельштама и поэтов его круга.

Ключевые слова: философия литературы, поэзия, язык, эстетика, интеллектуальная интуиция, художественная идея.

Ольга Анатольевна Жукова – доктор философских наук, профессор Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

ozhukova@hse.ru

<http://orcid.org/0000-0002-0152-926X>

Для цитирования: Жукова О.А. Творчество О.Э. Мандельштама в контексте философии и художественной практики модернизма // Философские науки. 2021. Т. 64. № 2. С. 7–20.
DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-2-7-20

O.E. Mandelstam's Works in the Context of Russian Modernist Philosophy and Artistic Practice

O.A. Zhukova

*National research University Higher school of Economics,
Moscow, Russia*

Abstract

The article proposes a philosophical interpretation of the poetic heritage of O.E. Mandelstam. The approach to characterizing the artistic experience of the Russian poet, through the prism of the philosophy of creativity and the philosophy of culture, seems to be significant and productive. This position is substantiated by the fact that in modern scientific literature there are still few works in which Mandelstam's poetry would be elucidated within the framework of the philosophy of Russian culture and the ontology of creativity. In the article, Mandelstam's creative phenomenon is shown in connection with the aesthetic program of artistic modernism. The philosophical foundations of Russian modernism are rooted in the issue of the spiritual self-awareness of Russian culture. Since Russian modernism reflects the transformation of artistic and spiritual culture that took place in Russia in

the late 19th and early 20th centuries, the author tries to highlight and analyze the leading philosophical and aesthetic principles of Symbolism and Acmeism, discussed by poets of the Russian Silver Age. Special attention is given to Mandelstam's theoretical works. The cultural-philosophical analysis makes it possible to trace the internal relationships between aesthetic attitudes and the artistic imagination of Russian Symbolists and Acmeists, to determine the specifics of the aesthetic self-awareness of Russian culture, its practices in selecting ideas, symbols, images of national and world artistic culture in the early 20th century. The author describes the logic of the continuity of the artistic ideas of Russian and world literature in the aesthetic concept of Mandelstam. In order to demonstrate the close connection of the philosophical and aesthetic ideas of classical culture with postclassics, the research brings together literary, philosophical and memoir sources in the context of the heritage of Mandelstam and the poets of his circle.

Keywords: philosophy of literature, poetry, language, aesthetics, intellectual intuition, artistic idea.

Olga A. Zhukova – D.Sc. in Philosophy, Professor, School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics.

ozhukova@hse.ru

<http://orcid.org/0000-0002-0152-926X>

For citation: Zhukova O.A. (2021) O.E. Mandelstam's Works in the Context of Russian Modernist Philosophy and Artistic Practice. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 64, no. 2, pp. 7–20. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-2-7-20

Введение

XX век, которому принадлежит жизнь и творческая судьба О.Э. Мандельштама, завершен, его страница перевернута. Взору исследователя предстает относительно оформленная картина художественных явлений и событий. Однако в пестроте творческих опытов и имен, составивших литературную летопись XX века, по-прежнему непросто разобраться не только обычному читателю, но и узкому кругу профессионалов. Исследователи, изучающие поэзию Мандельштама и его биографию, выявляют взаимосвязь фактов жизни с событиями творчества – стихами и прозаическими произведениями [Мандельштамовская энциклопедия... 2017; Лекманов 2009], преодолевающая трудности в понимании его творений, осуществляя своего рода «дешифровку» текстов сквозь призму экзистенциальных мотивов творчества, художественных интуиций и духовных идеалов, опреде-

лявших творческое мироощущение гениального поэта, его предельно сложной и противоречивой эпохи.

Многие аспекты поэтики, стилистики, языковых новаций Манделштама плодотворно обсуждались авторитетными учеными – филологами и историками культуры [Аверинцев и Манделштам... 2011; Ронен 2002; Гаспаров 1995; Мец 2005]. Среди работ о Манделштаме можно выделить исследования, традиционно относящиеся к философским темам и посвященные различным аспектам мировоззрения поэта, его нравственного и художественного самосознания [Марголина 1989; Лекманов 2016]. Но фундаментальных работ о наследии Манделштама с точки зрения философской эстетики и онтологии, понимающих творчество как способ жизни, общения между человеком и бытием, выявляющих его социальный и метафизический смысл, соотношение творчества и истины, недостаточно¹.

Следует отметить, что в одном из значимых трудов последнего десятилетия по истории отечественной эстетической мысли под названием «Русская теургическая эстетика», где в качестве главного предмета исследования выступает интеллектуальная и эстетическая культура Серебряного века, известный российский исследователь В.В. Бычков о Манделштаме даже не упоминает. Нет в нем упоминаний и об Ахматовой, и о Гумилеве, входивших наряду с Манделштамом в объединение «Цех поэтов», участники которого являются авторами эстетики акмеизма, неразрывно связанной с философскими и художественными исканиями той эпохи. Тем самым современный автор не рассматривает поэтов-акмеистов и их художественную программу в контексте метафизической традиции русской художественной и философской культуры, которую он определяет, как «теургическую», имея в виду развиваемую писателями, поэтами и мыслителями религиозную в своей основе интуицию (в философских и эстетических системах – концепт) преображения мира через творчество². Нельзя не согласиться с мнением Бычкова о главном, т.е. о том, что русская культура и художественное мироощущение ее авто-

¹ Такой обобщающей попыткой являются диссертации Е.В. Меркель и А.С. Дёминой [Дёмина 2006; Меркель 2002].

² Под теургической эстетикой В.В. Бычков понимает «духовно ориентированную имплицитную эстетику, направленную на активное преобразование всей жизни человеческой по эстетическим и религиозно-этическим законам в процессе особого художественного творчества, уповающего на духовную поддержку свыше» [Бычков 2007, 9].

ров пронизано «теургическим» беспокойством. Именно эта интуиция во многом определяет русскую культуру, ее самобытное художественно-философское содержание в XIX – первой половине XX века [Бычков 2007, 543]. Однако акмеистов он лишает «привязки» к корням собственной культуры, выводит за пределы «теургической» метафизики творчества. Бычков плодотворно обсуждает символистский и футуристический (авангардный) арт-проект – проект уже неклассической по своему типу культуры – как принадлежащий «эпохе всеобъемлющей Духовности» [Бычков 2007, 593]. Но по какой-то причине он не замечает или упускает из виду неразрывную смысловую взаимосвязь между символизмом и акмеизмом в общем развитии постклассической культуры.

Если учитывать тот факт, что акмеизм выразил свою идею посредством размежевания с символизмом, интеллектуально господствующим на олимпе русской поэзии, и представить его нерелигиозным антиподом символистской мифопоэтики, невнимание в кругу авторов-акмеистов со стороны Бычкова становится понятным. Но против такого «рассечения» единого семиотического поля культуры Серебряного века выступили бы сами символисты и акмеисты, жившие и дышавшие одним поэтическим воздухом эпохи, метафорой которой можно считать название объединения «Мир искусства» [Неклюдова 1991, 91]. Охарактеризуем эстетический опыт русских акмеистов подробнее.

Функция слова в эстетической теории акмеизма

Эпоха художественного модернизма, ярким представителем которой является Осип Мандельштам, дает мощный импульс эстетическим и стилевым поискам XX века, несет в себе энергию радикальной перестройки духовного и художественного самосознания человека русской и европейской культуры. «Модернизм» – это не просто удачный эстетический и культурологический термин, это – философия и мироощущение человека XX века, качественная характеристика бытия культуры, схваченная в понятии. Именно XX век, заговоривший голосом молодого поколения поэтов, писателей и художников (фовистов, экспрессионистов, футуристов, абстракционистов, акмеистов и многих других бунтарей и «манифестантов» от искусства), присвоил себе монополию быть «современным», положив начало новому отсчету времени культуры. По меткому выражению Вильгельма Виндельбанда, анали-

зировавшего культурную ситуацию рубежа веков (1909), за преобразованиями в обществе «пришла в движение унаследованная субстанция наших оценок» [Виндельбанд 1995а, 355]. Все это породило сомнения, беспокойство и тоску «по новому утверждению убеждений», что стимулировало поиски в литературной и академической жизни и выразилось в новой философской потребности [Виндельбанд 1995а, 355].

Мандельштам оказался в гуще великого смешения культурных образов и укладов жизни, направляемого взрывной энергией творческих идей. Для его тонко настроенного инструмента восприятия мира – поэтического сознания – наиболее ярким и сильным стало то, что современность заговорила на разных новых и неведомых языках. О таком взрыве различных языков, бывших прежде «немыми» или до времени «схороненными» в памяти культур, Мандельштам напишет в 1921 году, определив революционную эпоху как эпоху «глоссолалии»: «Ныне происходит как бы явление глоссолалии. В священном иступлении поэты говорят на языке всех времен, всех культур. Нет ничего невозможного» [Мандельштам 2010, 54]. К тому же поэт не знает языка, на котором говорит. Мандельштам заключает: «Нечто совершенно обратное эрудиции. Современная поэзия, при всей своей сложности и внутренней исхищенности, наивна» [Мандельштам 2010, 54].

Современность изменила субъективное восприятие времени, наполнила жизнь философов и художников ожиданиями и предчувствиями, проведя тонкую грань между прошлым и будущим, потусторонним и посюсторонним, распознать и одновременно соединить которые мог только новый гений, осознающий свою несхожесть с творцами прошлого. В эстетической программе ранних стихов Мандельштама и остальных участников «Цеха поэтов» видно, что импульс классической культуры угасает, давая возможность многообразным опытам в искусстве и литературе. Великая русская классика с ее эпическим романским размахом, нравственной проповедью и критическим реализмом воспринимается как наследие уходящей культуры. По отношению к ней акмеизм мыслит себя как художественную провокацию, выраженную в форме творческого манифеста и публичного эстетического жеста.

Эпоха начала XX века – время постклассики и зарождающейся в ее лоне неклассической культуры авангарда, лицом которого стал футуризм. Возможность сосуществования в рамках постклассической культуры различных художественно-философских концепций обусловлена тем, что постклассика не отказывалась от наследия прошлого, но ее ощущение времени и реальности было уже связано с будущим, с энергией развития. Акмеизм, подобно другим творческим направлениям, не просто провозглашает свое видение реальности, отличное от прежних художественных картин мира, он обосновывает принцип работы поэта с реальностью, т.е. говорит, как нужно взаимодействовать с идеей и образом в слове.

Слово, будучи строительным материалом акмеистической архитектуры, выражает единство авторской установки и берет на себя функцию репрезентации картины мира. Еще одна его функция – аксиологическая, связанная с формулированием идеалов и ценностей новой культуры. Искусство акмеистов стремится в опоре на прочную традицию, уходящую в прошлое, быть и познанием мира, и самовыражением человека, приобретая значение духовно-философской рефлексии, что свидетельствует о насущности освоения процессов формирования рефлексии для воспроизведения усложненной и многоязыкой, по Мандельштаму, культуры. Без этой функции, как кажется, поэт теряется в культурной ситуации, где все пришло в движение и требуется постоянная корректировка культурных образцов. В качестве последних выступают образы, идеи, смыслы, жанровые образцы мировой литературы и искусства (см. подробнее: [Микушевич 2017, 10–62]).

Поэтическое искусство модернистов становится теоретизирующим, концептуальным. Мало быть мастером слова, нужно уметь объяснить и защитить свое творческое открытие. В этом смысле поэзия русских модернистов – символистов, акмеистов и авангардистов – превращается в самостоятельную область знания, философию культуры и творчества, оказываясь будто в обозначенном Гадамером противостоянии истины и метода на стороне метода. Акмеизм в значительной степени выразил данное устремление к методу, чтобы открытыми новыми средствами поэтического языка и образности приблизиться к познанию подлинной реальности жизни. Акмеисты прямо заявили о том, что готовы стать более

конструктивными и технологичными, создавать художественную реальность по *логическим законам*, как Мандельштам напишет в «Утре акмеизма» (1912) [Мандельштам 2010, 26].

Вместе с тем резервуар, из которого строители акмеистического здания русской поэзии черпали свой философско-эстетический, теоретический, словесный и образный материал, был общим для культуры Серебряного века. Он наполнялся участниками художественного и интеллектуального процесса – предшественниками и старшими современниками – даже в большей степени (на первых порах, разумеется), чем молодыми манифестантами объединений, входящих в «Цех поэтов». Об этом едином универсуме культуры, общем круге образов и ассоциаций справедливо напоминает Сергей Аверинцев: «При всей, казалось бы, отчужденности Мандельштама от символизма в его выпадах против Леонида Андреева в “Шуме времени” ощутимо наряду с его личным вкусом также и эхо настроений, в свое время артикулированных в брюсовских “Весях”: акмеисты ощущали себя в самой своей оппозиции символистам внутри круга символистской культурной инициации...» [Аверинцев 2005, 294].

Акмеизм как новый символизм

Лучшим историческим свидетельством генетического родства акмеизма с символизмом, на которое обратил внимание Аверинцев, является отношение Александр Блока к Мандельштаму. Блок долго воспринимал его как едва ли не откровенного подражателя символизма, пусть даже «лучшего сорта», о чем он пишет в письме к Андрею Белому от 6 июня 1911 года [Андрей Белый и Александр Блок... 2001, 406]. Без энтузиазма высказывается Блок относительно «Антологии», увидевшей свет благодаря издательству «Мусагет»: «Талантливое движение, называемое “новым искусством”, кончилось; т. е. маленькие речки, пополнив древнее и вечное русло, чем могли, влились в него. Теперь уже есть только хорошее и плохое, искусство и не искусство» [Андрей Белый и Александр Блок... 2001, 406].

При всей дерзости новых поэтов, усомнившихся в языковой и смысловой адекватности символистов³, полного разрыва со стар-

³ Наиболее четко это выражено в программной статье Н. Гумилева [Гумилев 1913].

шими «богами» русской поэзии и исхода из их мира не произошло. Противопоставление символизму, действительно, было первым жестом акмеизма, о чем со всей определенностью говорит Мандельштам в статье «О природе слова» (1922), ссылаясь на сказанное ранее в «Утре акмеизма»: «Акмеизм возник из отталкивания: “Прочь от символизма, да здравствует живая роза!” – таков был его первоначальный лозунг» [Мандельштам 2010, 79].

Границу между символизмом и акмеизмом Мандельштам проводит по линии идей и вкуса. Новые идеи, по его мнению, еще не способствуют возникновению новой школы. Поэт убеждает нас в том, что новым словом в литературе всегда являются вкусы (или вкусовые ощущения). Акмеизм в русскую поэзию принес нечто более существенное, чем идеи: он привил «вкус к целостному словесному представлению, образу, в новом органическом понимании» [Мандельштам 2010, 79]. Именно с точки зрения вкуса акмеизм потеснил символизм и нарушил его идейно-образную монополию, распространяемую на русскую поэзию и язык художественного творчества в целом.

Не менее значим в данном контексте тот факт, что Мандельштам указывает не только на сходство и общность идей акмеизма и символизма, но и на прямое их заимствование, когда говорит о том, что «идеи оказались отчасти перенятыми у символистов, и сам Вячеслав Иванов много способствовал построению акмеистической теории» [Мандельштам 2010, 80]. Чудо обновления русской поэзии стало возможным благодаря акмеизму, но сам он, по определению Мандельштама, оказался *новым символизмом*, правда, очищенным от «ужасов» прежней символической школы. По словам Мандельштама, акмеизм с его «мужественной волей к поэзии и поэтике» поставил в центр человека, который находится в ней «не сплюснутый в лепешку лжесимволическими ужасами, а как хозяин у себя дома, истинный символист, окруженный символами, т.е. утварью, обладающий и словесными представлениями, как своими органами» [Мандельштам 2010, 79–80].

Символическим туманностям акмеизм противопоставил «живую поэзию слова-предмета», которому надлежало дать имя. Чтобы показать новую школу литературного вкуса, Мандельштам, находясь на определенной временной дистанции

по отношению к началу акмеизма (что психологически еще сильнее подчеркивалось границей между дореволюционным прошлым и советским настоящим, Россией исторической и большевистской), метафорически обыгрывает конфликт между божественной одаренностью Моцарта-идеалиста и ремесленным мастерством Сальери. Мандельштам становится на сторону последнего, понимая задачу поэзии не в медиумическом улавливании образов, являющихся, но не проясняющих своего лица поэтам-символистам, а в работе с «вещами и материальными ценностями», которые подвластны «строителю и производителю вещественного мира» [Мандельштам 2010, 81].

Еще одно высказывание Мандельштама о борьбе с «теургическим» миросозерцанием символистов представляется ключевым. Несмотря на то, что Мандельштам продолжает отвергать, как стало понятным, старые вкусовые ощущения символизма (признавая общность идей с ним), он в действительности не позиционирует себя как поэта-антиметафизика, но лишь стремится найти истинное основание новой поэтической метафизики. Предметом его критики служит устарелость, архаичность прежних метафизических идей, даже в большей мере способ их выражения, а не метафизическое начало поэзии. В «Буре и натиске» Мандельштам это отчетливо формулирует, когда указывает, что «трансцендентальная поэзия Андрея Белого оказалась не в силах предохранить метафизическую мысль от старомодности и обветшалости» [Мандельштам 2010, 130]. В центре находится метафизическая мысль как некая сверхценность поэзии, как ее родовое свойство. Тем самым в понимании Мандельштама символизм метафизику в самой поэзии не спас, потому что говорил с человеком современной культуры устаревшим, плохо читаемым и понимаемым языком. Поэты, несущие в себе новое эстетическое ощущение жизни («вкус», согласно терминологии Мандельштама), не менее, чем древние, озабочены вопросами бытия и смысла жизни, любви и смерти, познания и творчества – темами, которые в течение многих веков и даже тысячелетий составляют духовный нерв и существо поэзии как таковой.

В этом и заключается, на наш взгляд, проблема трудности философского толкования творчества Мандельштама: за борьбой со старыми формами «теургической» эстетики не пытаются увидеть метафизическую составляющую акмеизма, равно как и ориги-

нальную поэтическую онтологию одного из самых философски одаренных и метафизически настроенных авторов, выросшего из акмеистской эстетики творчества.

Вывести творческий опыт Мандельштама за пределы художественной философии Серебряного века, пронизанного мистериальными интуициями и эсхатологическими предчувствиями, даже с учетом манифестируемой авторами якобы антиметафизической программы, не представляется возможным. Вместе с тем творчество Мандельштама не сводится лишь к эстетической доктрине акмеизма. Полагаем, в данном случае речь идет о более широком явлении русского модернизма, где стилевые направления не только оппонируют и конфликтуют друг с другом, но и внутренне объединены общей интуицией слома старого и поиска нового в искусстве и литературе. Эти интуиции, обозначающие, по мнению Н.А. Бердяева, ситуацию кризиса в искусстве, нередко приобретают мистериально-космический и эсхатологический смысл [Бердяев 1918].

Заключение

Поэзия Мандельштама, связанная с философскими концептами художественного модернизма, устанавливает предел познаваемости мира через понимание отношений человека со временем и вневременным. Но как стремящаяся к абсолютной истине и совершенству, к первозданной гармонии жизни, она этот предел преодолевает, поскольку, согласно справедливому убеждению В. Виндельбанда, «вечность не хочет быть познана, она хочет быть пережита» [Виндельбанд 1995б, 278]. Если даже вечность абстрактно представима, она не дана как факт бессмертия ограниченному во времени существованию человеку. Европейская и русская культура, которая, по выражению поэта, «благодаря чудесной милости христианства» стала отпущением мира на свободу [Мандельштам 2010, 37], открыла «метафизическую сущность гармонии», теснейшим образом связанную с «христианским пониманием времени» [Мандельштам 2010, 39]. Этот важнейший принцип интеллектуальной и творческой самоидентификации Мандельштама как человека русской культуры делает его художественный опыт типологически схожим со старшими представителями культуры Серебряного века, определяет особенности его эстетической системы в рамках метафизически

ориентированных тем и вопросов русской культуры и искусства, ее онтологии творчества.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев 2005 – *Аверинцев С.С.* Связь времен: собрание соч. / под ред. Н.П. Аверинцевой, К.Б. Сигова. – Киев: Дух і Літера, 2005.

Аверинцев и Мандельштам... 2011 – Аверинцев и Мандельштам: статьи и материалы / ред.-сост. П. Нерлер, Д. Мамедова. – М.: РГГУ, 2011.

Андрей Белый и Александр Блок... 2001 – Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919 / публ., предисл. и коммент. А.В. Лавров. – М.: Прогресс-Плеяда, 2001.

Бердяев 1918 – *Бердяев Н.А.* Кризис искусства. – М.: Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918.

Бычков 2007 – *Бычков В.В.* Русская теургическая эстетика. – М.: Ладомир, 2007.

Виндельбанд 1995а – *Виндельбанд В.* Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия // *Виндельбанд В.* Избранное. Дух и история. – М.: Юрист, 1995. С. 294–363.

Виндельбанд 1995б – *Виндельбанд В.* Sub specie aeternitatis (медитация) // *Виндельбанд В.* Избранное. Дух и история. – М.: Юрист, 1995. С. 271–293.

Гаспаров 1995 – *Гаспаров М.Л.* Поэт и культура. Три поэтики Осипа Мандельштама // *Мандельштам О.Э.* Полное собрание стихотворений / сост., подгот. текста и прим. А.Г. Меца. – СПб.: Академический проект, 1995. С. 5–64.

Гумилев 1913 – *Гумилев Н.* Наследие символизма и акмеизм // *Аполлон.* 1913. № 1. С. 42–45.

Дёмина 2006 – *Дёмина А.С.* Поэтическая философия творчества О.Э. Мандельштама: дис. ... канд. филол. наук. – Н. Новгород, 2006.

Лекманов 2009 – *Лекманов О.А.* Несколько вступительных слов к третьему изданию // *Лекманов О.А.* Осип Мандельштам. Жизнь поэта. – М.: Молодая гвардия, 2009. С. 3–9.

Лекманов 2016 – *Лекманов О.А.* Осип Мандельштам. Ворованный воздух. – М.: АСТ, 2016.

Мандельштам 2010 – *Мандельштам О.Э.* Полное собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. Проза. – М.: Прогресс-Плеяда, 2010.

Мандельштамовская энциклопедия... 2017 – Мандельштамовская энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. – М.: РОССПЭН, 2017.

Марголина 1989 – *Марголина С.М.* Мировоззрение Осипа Мандельштама. – Marburg: Blaue Hörner Verlag; Bernd E. Scholz, 1989.

Меркель 2002 – *Меркель Е.В.* Философия слова и поэтическая семантика Осипа Мандельштама: дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2002.

Мец 2005 – *Мец А.Г.* Осип Мандельштам и его время: анализ текстов. – СПб.: Гиперион, 2005.

Микушевич 2017 – *Микушевич В.Б.* Осип Мандельштам и мировая культура // Мандельштамовская энциклопедия. Т. 1 / гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. – М. : РОССПЭН, 2017 . С. 10-62.

Неклюдова 1991 – *Неклюдова М.Г.* Традиции и новаторство в русском искусстве конца XIX – начала XX века. – М.: Искусство, 1991.

Ронен 2002 – *Ронен О.* Поэтика Осипа Мандельштама. – СПб.: Гиперион, 2002.

REFERENCES

Averintsev S.S. (2005) *The Connection of Times: Collected Works* (N.P. Averintseva & K.B. Sigov). Kiev: Dukh i Litera (in Russian).

Lavrov A.V. (Comp.) (2001) *Andrei Bely and Alexander Blok. Correspondence. 1903–1919*. Moscow: Progress-Pleyada (in Russian).

Berdyayev N.A. (1918) *The Crisis of Art*. Moscow: G.A. Lehman and S.I. Sakharov Press (in Russian).

Bychkov V.V. (2007) *Theurgical Aesthetics*. Moscow: Ladomir (in Russian).

Gasparov M.L. (1995) Poet and Culture. Three Poetics of Osip Mandelstam. In: Mandelstam O.E. *Complete Collection of Poems* (pp. 5–64). Saint Petersburg: Akademicheskiiy proyekt (in Russian).

Gumilev N. (1913) The Heritage of Symbolism and Acmeism. *Apollon*. No. 1, pp. 42–45 (in Russian).

Demina A.S. (2006) *Poetic Philosophy of O.E. Mandelstam's Works* (dissertation). Nizhny Novgorod (in Russian).

Lekmanov O.A. (2009) Several Introductory Words to the Third Edition. In: Lekmanov O.A. *Osip Mandelstam: The Life of the Poet* (3rd ed., pp. 3–9). Moscow: Molodaya gvardiya (in Russian).

Lekmanov O.A. (2016) *Osip Mandelstam: Stolen Air*. Moscow: AST (in Russian).

Mandelstam O.E. (2010) *Complete Works in 3 Vols. Vol. 2: Prose*. Moscow: Progress-Pleyada (in Russian).

Margolina S.M. (1989) *The Worldview of Mandelstam*. Marburg: Blaue Hörner Verlag; Bernd E. Scholz (in Russian).

Merkel E.V. (2002) *Philosophy of the Word and Poetic Semantics of Osip Mandelstam* (dissertation). Moscow (in Russian).

Metz A.G. (2005) *Osip Mandelstam and His Time. Text Analysis*. Saint Petersburg: Hyperion (in Russian).

Mikushevich V.B. (2017) Osip Mandelstam and World Culture. In: Nerler P.M. & Lekmanov O.A. (Eds.) (2017) *The Encyclopedia of Mandelstam* (Vols. 1, pp. 10–62). Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Neklyudova M.G. (1991) *Traditions and Innovation in Russian Art of the Late 19th and Early 20th Centuries*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Nerler P. & Mamedova D. (Eds.) (2011) *Averintsev and Mandelstam. Articles and Materials*. Moscow: RSUH (in Russian).

Nerler P.M. & Lekmanov O.A. (Eds.) (2017) *The Encyclopedia of Mandelstam* (Vols. 1–2). Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Ronen O. (2002) *Poetics of Osip Mandelstam*. Saint Petersburg: Hyperion (in Russian).

Windelband W. (1995a) Philosophy in the Spiritual Life of the 19th-Century Germany. In: Windelband W. *Selected Works: Spirit and History* (pp. 294–363). Moscow: Yurist (in Russian).

Windelband W. (1995b) Sub specie aeternitatis (Meditation) In: Windelband W. *Selected Works: Spirit and History* (pp. 271–293). Moscow: Yurist (in Russian).